

Рафаил ГАНЕЛИН*

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ СТИХОТВОРЕНИЯ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО «СТАРЫЕ ЭСТОНКИ»

Стихотворение И. Анненского «Старые эстонки. Из стихов кошмарной совести» почему-то не пользуется известностью. Поэтому прежде, чем попытаться установить исторические факты, его вызвавшие, воспроизведем его текст по последнему изданию произведений поэта.¹

Если ночи тюремны и глухи,
Если сны паутины и тонки,
Так и знай, что уж близко старухи,
Из-под Ревеля близко эстонки.

Вот вошли, — приседают так строго,
Не уйти мне от долгого плена,
Их одежда темна и убога,
И в котомке у каждой полено.

Знаю, завтра от тягостной жути
Буду сам на себя непохожим...
Сколько раз я просил их: «Забудьте...»
И читал их немое: «Не можем».

Как земля, эти лица не скажут,
Что в сердцах похоронено веры...
Не глядят на меня — только вяжут
Свой чулок бесконечный и серый.

Но учтивы — столпились в сторонке...
Да не бойся: присядь на кровати...
Только тут не ошибка ль, эстонки?
Есть куда же меня виноватей.

Но пришли, так давайте калякать,
Не часы ж, не умеем мы тикать.
Может быть, вы хотели б поплакать?
Так тихонько, неслышно... похныкать?

Иль от ветру глаза ваши пухлы,
Точно почки берез на могилах...
Вы молчите, печальные куклы,
Сыновей ваших... я ж не казнил их...

Я, напротив, я очень жалел их,
Прочитав в сердобольных газетах,
Про себя я молился за смелых,
И священник был в ярких глазетах.

* Санкт-Петербургский филиал Института Российской истории Российской Академии наук. Россия, 197110 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7.

¹ Анненский *Иннокентий*. Избранное. Москва, Правда, 1987. Сост., вступит. статья и коммент. И. Подольской, 161—163.

Затрясли головами эстонки.
«Ты жалел их... На что ж твоя жалость,
Если пальцы руки твоей тонки,
И ни разу она не сжималась?»

Спите крепко, палач с палачихой!
Улыбайтесь друг другу любовью!
Ты ж, о нежный, ты кроткий, ты тихий,
В целом мире тебя нет виновней!

Добродетель... Твою добродетель
Мы ослепли вязавши, а вяжем...
Погоди — вот накопится петель,
Так словечко придумаем, скажем...»

Сон всегда отпускался мне скупю,
И мои паутины так тонки...
Но как это печально... и глупо...
Неотвязные эти чухонки...

При первой публикации стихотворения, осуществленной без указания даты его написания сыном поэта, также поэтом, пользовавшимся псевдонимом Валентин Кривич, оно было озаглавлено: «Из стихов кошмарной совести. Старые эстонки».² Известен также черновой набросок стихотворения:

Если ночью тюремно-глухо,
А во сне паутинно-тонко,
Так и знай, что придет старуха,
Что старуха придет эстонка.
И не то чтоб стала к сторонке,
А вплотную станет к кровати.
Что ей надо, этой эстонке?
Будто я уж всех виноватей.
А чулок у ней серый-серый.

В свое время были высказаны в общей форме предположения о том, что поводом к написанию стихотворения послужили действия карательных экспедиций в Эстонии после поражения декабрьского восстания 1905 г., либо расстрел демонстрации и митинга на таллиннском Новом рынке 16 октября этого года.³

Второе из этих предположений опровергается тем, что речь в стихотворении идет не о стрельбе в народ, а о казнях. Судя по всему, И. Анненский имел в виду расправы, которые, начиная с конца декабря 1905 г. и в течение всего января 1906 г., творили карательные отряды В. А. Безобразова, фон Сиверса, О. О. Рихтера, А. А. Орлова, барона В. Н. Ферзена и др.⁴

² Посмертные стихи Иннокентия Анненского. Под ред. Валентина Кривича. Пг., Картонный домик, 1923, 78—79.

³ Александров В. Иннокентий Анненский. — Литературный критик, 1939, 5—6, 121; Малкина Е. Иннокентий Анненский. — Литературный современник, 1940, 5—6, 212; Анненский Ин. Стихотворения и трагедии. Ленинград, Советский писатель, 1959. Вступит. статья, подготовка текста и примечания А. В. Федорова, 613.

⁴ Назначенный командовать одним из таких отрядов командир Гатчинского кирасирского полка барон А. Корф, брат известного русского педагога, предпочел

Попыток датировать стихотворение, хотя оно и было признано наиболее сильным по своей гражданственности в русской поэзии первого десятилетия нашего века, не предпринималось вплоть до издания 1987 г., в котором И. Подольская предложила считать его написанным в 1906 г. Она воспользовалась при этом статьей С. В. фон Штейна «Поэзия мучительной совести» в ревельских «Последних известиях» 10 мая 1923 г., на которую незадолго до того обратили внимание А. В. Лавров и Р. Д. Тименчик.⁵ В этой статье, представлявшей собой отклик на первую публикацию стихотворения, С. В. фон Штейн — а он был родственником Анненского — рассказал, как зимой 1906 г.

застрелиться (*Слюзберг Г. Б.* Барон Г. О. Гинцбург, его жизнь и деятельность. Париж, 1933, 69). «Всего за время действия отрядов в 1905—1907 годах убито 625 мятежников», — указывалось в ответе властей на запрос членов Государственной думы министрам внутренних дел, военному, морскому и юстиции, 18 октября 1910 г. по поводу правительственных репрессий в Прибалтике в 1905—1906 гг. (Революционные события в Прибалтике в 1905 г. (Публикация документов, подготовленных к печати Е. В. Чмыковой, со вступит. статьей С. Болтинова.) — Красный архив, 1940, 5(102), 156). Сведения о жертвах карательных экспедиций до 18 февраля 1906 г. см.: Революционное движение в Прибалтике (ноябрь—декабрь 1905.) (Публикация документов, подготовленных И. Ф. Шостак со вступит. статьей А. Я. Авреха.) — Исторический архив, 1955, 1, 226. См. также: Красный архив, 1925, 4—5 (11—12); 1930, 1 (38); В тисках террора. Прибалтийский край перед судом самодержавия (1905—1907). Воспоминания и материалы. Москва, ОГИЗ, 1926. Репрессии эти были ответом на революционную активность масс, проявившуюся с самого начала года. Вышедший из Петропавловской крепости А. М. Горький в письме Е. П. Пешковой из Риги в марте 1905 г. отмечал: «Здесь творятся дела в высокой степени значительные — всюду крестьянские беспорядки. Латыши, эсты, литовцы — удивительно интересный и разумный народ, — нужно видеть, что они делают, чтобы поверить, как они серьезно и стойко добиваются своей цели» (*Горький М.* Собрание сочинений. В 30-ти т. Т. 28. Москва, Худож. лит., 1954, 363). Нижеследующие документы проливают свет на появление карательных или, как они назывались, экспедиционных отрядов в Эстонии после того, как в ноябре 1905 г. было учреждено временное Прибалтийское генерал-губернаторство и на должность генерал-губернатора назначен 4 декабря генерал В. У. Соллогуб, которому были подчинены эстляндский, курляндский и лифляндский губернаторы. 14 декабря эстляндский губернатор А. А. Лопухин телеграфировал в Министерство внутренних дел: «Движение эстонцев в уездах против помещиков, законных властей принимает с каждым днем все более широкие размеры, грозя развиться по всей губернии, перейти в самом близком будущем в общее народное восстание против правительства. Располагая для города Ревеля и всей губернии лишь тысяча двумястами солдатами, никакой помощи уездам оказывать не могу. Обращался с ходатайством к военному начальству об увеличении числа войск, получил отказ. Немедленная высылка кавалерийского полка в губернию для подавления восстания необходима». 18 декабря новый губернатор Бюнтинг телеграфировал туда же: «Сего числа я вступил в управление Эстляндской губернией. Нахожу положение дел весьма серьезным. Большинство имений Ревельского уезда разгромлены; пострадала часть имений Гапсальского и Вейсенштейнского уездов, пограничных с Ревельским. Шайки мятежников, преимущественно городских рабочих, пополняются крестьянами. Район восстания быстро увеличивается. Есть общий руководитель. Подымается эстонское население Лифляндской губернии. В Нарве, Кренгольме настроение угрожающее, в Ревеле крайне тревожное. Подавить восстание наличными силами невозможно. Единственным исходом признаю необходимость поспешной присылки в Эстляндию значительного отряда под командой энергичного самостоятельного военачальника. Прошу содействия вашего высокопревосходительства. Об изложенном телеграфирую генералу Соллогубу, прося его также отряд генерала Орлова подвинуть в северную часть Лифляндской и южную Эстляндской губерний». И, наконец, на следующий день Бюнтинг отправил еще одну телеграмму. «Ввиду быстрого распространения восстания за пределы Ревельского уезда по всей губернии, ожидаемого прибытия войска и назначения генерала Воронова командующим всеми воинскими частями Эстляндии, признаю настоятельно необходимым введение военного положения во всей губернии в целях единообразия действий, объединения, ускорения распоряжений и своевременности принятия военным начальством самостоятельно самых решительных действий для подавления восстания» (Красный архив, 1940, 5(102), 145—146).

⁵ Лавров А. В., Тименчик Р. Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях. — Памятники культуры. Новые открытия, 1981. Москва, 1983, 122.

дал поэту книгу В. Климкова «Расправы и расстрелы».⁶ Книга эта была посвящена кровавому подавлению декабрьского восстания в Москве, карательным экспедициям в Прибалтийском крае, в Польше и на Кавказе. Сообщив, что Анненский вернул книгу со словами: «Какой кошмарной укоризной должна быть каждая ее страница для всякого из нас» и никогда не возвращался к этой теме в разговорах, фон Штейн считал стихотворение «Старые эстонки» возникшим в результате переживания поэта «наедине с самим собой».⁷

Отметим, прежде всего, что говоря о зиме 1906 г., фон Штейн мог иметь в виду лишь зиму 1906—1907 гг., а не предшествовавшую, так как последние из упоминаемых в книге В. Климкова фактов относятся к апрелю 1906 г., а сама она поступила в Главное управление по делам печати в июне этого года.⁸ Обратим далее внимание на то, что в стихотворении речь идет о газетных сообщениях. Известно, между тем, что в апреле 1907 г. действия баронов и карательных отрядов в Прибалтике получили широкую огласку, вызвали возмущение по всей России, разбирательство в Государственной думе, в ходе которого представитель правительства объявил, что властям пришлось возбудить более 40 уголовных дел против чинов полиции.⁹

На самом же деле характер карательной политики в Прибалтике, особенно беспощадной зимой 1905—1906 гг., определялся распоряжениями самого Николая II и председателя Совета министров С. Ю. Витте. Соперничая между собой в жестокости этих распоряжений, они готовы были обвинять друг друга, царь укорял Витте в попустительстве революционерам, а Витте — царя в опасных политических последствиях его приказов.

14 декабря 1905 г. в резолюции на донесении о том, что карательные силы вступили в г. Тукум, в котором произошло нападение на военных, без предварительного артиллерийского обстрела ввиду просьбы городских обывателей и отсутствия снарядов, царь написал: «Это не причина. Надо было разгромить город». 19 декабря он потребовал от карателей «большей инициативы деятельности и самостоятельности». А Витте докладывал ему 23 декабря: «По моему мнению, прежде всего нужно разделаться с остзейскими губерниями. Я целым рядом телеграмм поощрял генерал-губернатора действовать решительно. Но там, очевидно, мало войск. Вследствие сего я ему еще вчера ночью телеграфировал, что ввиду слабости наших войск и полиции необходимо с кровожадными мятежниками расправляться самым беспощадным образом».

29 декабря царь в письме к матери повторно выразил свой восторг по поводу того, что «Орлов, Рихтер и др. действуют отлично», добавив: «Теперь сам Витте это понял». Фраза царя была откликом на придворные интриги против Витте, которые царь всемерно поддерживал. Председателя Совета министров на сей раз, как это часто делалось, обвиняли в либерализме. Обвинения были тем более облыжны, что Витте и морской министр А. А. Бирилев были причастны к созданию тех самых карательных батальонов из моряков, действия которых так

⁶ Речь идет о кн.: *Климков Василий*. Расправы и расстрелы. Письма, очерки и наброски специального корреспондента газеты «Русь» («Молва»). Москва, 1906.

⁷ «У меня сложилось представление, что это человек, конечно, особенный, ученый и утонченный, но все же типичный человек в футляре», — таким казался Анненский учившейся у него в гимназии греческому языку известной издательнице, публицистке и театроведу Л. Я. Гуревич (Русская мысль, 1910, Январь, 163).

⁸ Список книг, вышедших в России в 1906 г. Санкт-Петербург, 1908, стб. 472.

⁹ *Янсон П.* Карательные экспедиции в Прибалтийском крае в 1905—1907 гг. По материалам II Государственной думы. Ленинград, 1926, 69.

восхищали царя. Но на следующий день царь хватил через край, и Витте не преминул это показать.

30 декабря по поводу сообщения о том, что в Эстонии капитан О. О. Рихтер «не только расстреливал, но и вешал главных агитаторов», царь написал выразительно «Молодец!» Усердие Рихтера и его батальона особенно обрадовало царя потому, что явилось ответом на его приказ 19 декабря, а сам капитан Рихтер был сыном генерал-адъютанта О. Б. Рихтера, который пользовался особым царским доверием и благодаря этому отстаивал перед верховной властью интересы прибалтийского дворянства.¹⁰ Между тем в Петербург к Витте и Бирилеву явился от капитана Рихтера батальонный адъютант и сообщил, что «решительные действия батальона вызывают требования объяснений со стороны местных властей и что моряки опасаются ответственности». Тут-то Витте и дал понять Николаю II, как он его выручал, но до конца выручить все же не мог. Спрятав документ с резолюцией в своей стол, докладывал он царю, он вместе с Бирилевым поддержал действия карательного батальона. Но генерал-губернатора, продолжал Витте свой доклад, он «почел нужным» шифрованной телеграммой ознакомить со «взглядом» царя «на сказанный предмет».¹¹

Известный защитник по политическим делам В. В. Беренштам показал в своих воспоминаниях механизм судебных расправ над участниками массового движения в Прибалтике.¹² Не всем им, однако, дано было дожить до суда. Каратели убивали заключенных в тюрьмы участников революционных выступлений, не дожидаясь расправы над ними с помощью военных судов. 20 января 1906 г. такими фактами в прибалтийских губерниях в Польше вынуждено было заняться правительство. Подтвердив, что «применение воинской силы во всех случаях встреченного сопротивления или для прямого подавления мятежа должно быть производимо без колебаний и теми же способами, как это совершается на войне», Совет министров высказался, однако, «за неприменимость таких же мер по отношению к людям, которые, будучи захвачены войсками вследствие вооруженного сопротивления или совершенных ими иных в связи с мятежом преступлений, переданы были в ведение подлежащих властей». «Решение военного суда может воследовать в весьма короткий промежуток времени, и те, кто заслуживает смертной казни, конечно, ее не избегнут; передача же их вновь в руки военных властей и расстреливание приказанием военного начальства — явление совершенно недопустимое и настолько противоречит всем существующим воззрениям, что должно быть, по убежде-

¹⁰ 14 июня 1906 г. О. Б. Рихтер писал преемнику Витте на посту председателя Совета министров И. Л. Горемыкину: «Являюсь к Вам с покорнейшею просьбою принять и выслушать барона Пиллара фон Пильхау, зятя гр. К. И. Пален (один из старейших в ту пору российских сановников, министр юстиции в 1867—1878 гг. — Р. Г.). Барон является заместителем губернского предводителя дворянства барона Мейендорфа, которому только что сделала серьезную операцию. Вся наша, т. е. лифляндского и эстляндского дворянства, участь зависит от благоприятного решения вопроса» (Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР, ф. 1626, оп. 1, д. 1151, л. 11). Решение это было принято и утверждено царем тем же летом при сменившем Горемыкина П. А. Столыпине. Сверх денежной компенсации из казны, установленной для пострадавших от крестьянских выступлений помещиков, — считалось, что в прибалтийских губерниях пострадало 180 дворянских имений, причем сумма заявленных их владельцами убытков достигала 5 млн. руб. — лифляндское и эстляндское дворянство ходатайствовало о разрешении заключить заграничный заем в размере 10 млн. 800 тыс. германских марок под залог пожалованных царем имений (Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. I. Москва, 1982, 91 и след.).

¹¹ Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Ленинград, Наука, 1984, 266—268.

¹² Беренштам В. В. 1905 год в Прибалтике. Москва, 1926.

нию Совета, безусловно устранено», — говорилось во всеподданейшем докладе Витте. Он предлагал царю предписать военным властям, чтобы «не подвергшиеся истреблению со стороны войск» участники революционных выступлений не отбирались карательными отрядами у местных властей и были судимы по закону. «Конечно, я не допускаю и мысли, чтобы могло быть иначе», — написал на докладе Витте о решении Совета министров Николай II.¹³

Однако 15 февраля 1906 г. министр юстиции М. Г. Акимов сообщил Витте о новом факте такого рода — убийстве пяти арестованных крестьян, взятых из тюрьмы в Газенпоте Курляндской губернии воинским отрядом под командой поручика 179 Усть-Двинского пехотного полка Семенова без ведома судебных властей по распоряжению временного курляндского генерал-губернатора генерал-лейтенанта В. А. Бекмана. По сведениям министерства юстиции, Иван Пумпур и Иоганис Клоп были повешены, а Криш Кронберг, Том Гринвальд и Андрей Брантевиц расстреляны.¹⁴ Совет министров, как отмечено в протоколе заседания, вернулся к вопросу о «случаях расстреливания в Прибалтийском крае». «Расследовать это дело без всякой огласки распоряжением командующего войсками», — написал теперь царь на новом докладе Витте.¹⁵ Расследование завершилось сообщением военного министра А. Ф. Редигера о том, что царское повеление о недопущении смертной казни без суда по отношению к арестованным не могло быть сообщено местным военным властям до 30 января, когда произошло убийство пяти крестьян в Газенпоте. Вместе с тем Редигер настаивал на том, что все они были застрелены при попытке к бегству.¹⁶

Такова была подоплека тех событий, которыми И. Анненский посвятил свое стихотворение, зная лишь внешнюю их сторону. Но истинный смысл их он прекрасно понимал, отдавая себе отчет и в том, кто подлинные их виновники. И когда он писал: «Спите крепко, палач с палачихой! Улыбайтесь друг другу любовней!», то вполне возможно, что имел при этом в виду чету самую высокопоставленную.

Какие же именно карательные действия послужили Анненскому поводом к написанию стихотворения? Скорее всего, это были расстрелы 9 и 11 января 1906 г. и в последующие дни, произведенные под Вильянди по приказу ротмистра фон Сиверса. Как известно, в числе расстрелянных были двое юношей — братья Петр и Антон Пихельгас. Младшему, Антону, было всего 15 лет.

Сообщив об этом злодеянии в своей книге, которая была у Анненского, как представляется, зимой 1906—1907 гг., В. Климов добавлял в скобках: «читайте — пят-на-дцати!»¹⁷ Трагическая история братьев Пихельгас в числе многих других таких же фактов фигурировала и в срочном заявлении социал-демократической фракции Думы 13 апреля 1907 г.¹⁸ Не исключено поэтому, что стихотворение могло быть написано в 1907 г.

¹³ Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг. Документы и материалы. Москва—Ленинград, ОГИЗ, 1932, 374—375.

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 81, л. 39.

¹⁵ Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. Документы и материалы. Ленинград, Наука, 1990, 263.

¹⁶ Там же, 268.

¹⁷ Климов В. Расправы и расстрелы, 136.

¹⁸ Янсон П. Карательные экспедиции, 41. В 1926 г. в издававшемся в СССР эстонском журнале «Пролетарская революция в Эстонии» (№ 1) были опубликованы документы из архива царского Департамента полиции, свидетельствующие, что высшие власти отдавали себе полный отчет в зверском характере расправы над юношами. Чтобы предать ее забвению, запрещено было ставить памятник на могиле казненных. Отказ их отцу в привлечении фон Сиверса к ответственности был мотивирован в 1911 г. тем, что Сиверс умер.

Появившееся в 1930-х годах утверждение о «барской жалостливости» Анненского было отвергнуто с особой решительностью применительно к стихотворению «Старые эстонки». ¹⁹ Стихотворение выразило гневный протест русского интеллигента против кровавых расправ царизма и прибалтийских баронов над эстонскими крестьянами — участниками революционных выступлений и невинными жертвами — и глубокую душевную муку от бессилия этим расправам противостоять.

¹⁹ Александров В. Иннокентий Анненский, 121.

Представил К. Сийливаск

Поступила в редакцию
6/XI 1991

Rafael GANELIN

INNOKENTI ANNENSKI LUULETUSE «VANAD EESTLANNAD» AJALOOLISEST TAGAPÕHJAST

I. Annenski venekeelne luuletus kajastab karistussalkade veretõid Eestis revolutsioonilise liikumise maharuumisel 1905. ja 1906. aasta vahetusel ning on avaldatud esmakordselt 1923. aastal. Värsid on kirjutatud ilmselt talvel 1906—1907 või 1907. aasta kevadel, pärast tutvumist V. Klimkovi teosega «Расправы и расстрелы» («Arveteõienda-mised ja mahalaskmised»), mis ilmus 1906. aastal.

Sündinud protestina tsaarisatraapide verise tegevuse vastu Eestis, oli luuletus suunatud kogu tsaarivalitsuse repressiivse poliitika, sealhulgas Nikolai II enda vastu, kelle korraldusi karistussalkade juhid Balti kubermangudes vahetult täitsid. Luuletuse kirjutamise konkreetseks ajendiks said rittmeister von Siversi poolt Viljandis 9. ja 11. jaanuaril 1906 korraldatud massilised mahalaskmised, kus tapeti ka alaealised vennad Peeter ja Anton Pihelgas, neist viimane viieteistaastasena.

Raphael GANELIN

HISTORICAL BACKGROUND OF INNOKENTI ANNENSKI'S POEM "OLD ESTONIAN WOMEN"

I. Annenski's poem "Old Estonian Women", written in Russian, reflects savage reprisals of punitive expeditions in suppressing revolutionary movement in Estonia at the turn of 1905 and 1906. The poem was first published in 1923. It was probably written in the winter of 1906—1907 or in the spring of 1907, after the author had got acquainted with V. Klimkov's work *Reprisals and Executions* (Расправы и расстрелы), published in 1906.

Born in protest against the atrocities of the tsarist satraps in Estonia, the poem was directed against the whole repressive policy of the tsarist government and also against Nicholas II himself, whose orders the punitive expeditions were carrying out in the Baltic provinces. Annenski was provoked to write the poem by mass executions in Viljandi on January 9 and 11, 1906, arranged by Captain von Sivers. Among others also teenage brothers Peeter and Anton Pihelgas, the latter only fifteen years old, were shot to death there.